

требований и защищал монтаньяров и депутатов города Парижа, говоривших в Конвенте против заключений депутации. Но Марат хорошо был знаком с народной нуждой, и когда он выслушал три недели спустя рабочих женщин, явившихся в Конвент 24 февраля с требованием от законодателей защиты против спекуляторов, он сейчас же стал на сторону бедноты. В очень горячей статье своей газеты от 25 февраля он писал, что, «отчаявшись в способности законодателей принять крупные меры», он советует «полное уничтожение этого проклятого племени» — «капиталистов, спекуляторов и монополистов», которых «подлые представители нации поощряют, обеспечивая им безнаказанность». Озлобление улицы чувствуется в этой статье, где Марат то требует, чтобы главных монополистов предали революционному суду, то говорит народу, что, если бы народ ограбил несколько магазинов и «у дверей повесил бы скупщиков, тогда скоро прекратились бы эти спекуляции, доводящие 25 млн. народа до отчаяния и убивающие тысячи людей голодом».

В тот же день, 25-го утром, народ действительно ограбил несколько лавок, унося из них сахар, мыло и т. п., а в предместьях поговаривали даже о новых сентябрьских днях против спекуляторов, биржевиков и богатых вообще.

Легко себе представить, как этим движением, хотя оно и не вышло за пределы маленького уличного бунта, воспользовались жирондисты. Они стали уверять департаменты, что Париж стал разбойничьим гнездом, где никто не может быть уверен в своей жизни. Пользуясь приведенной сейчас фразой Марата, они обвиняли Гору и парижан вообще в желании перерезать всех богатых. Коммуна не посмела поддержать этот бунт, и самому Марату пришлось от него отказаться, говоря, что волнение было возбуждено роялистами. Что же касается до Робеспьера, то он не преминул свалить ответственность на подкуп иностранцами.

Бунт, однако же, не остался без последствий: Конвент поднял с 4 млн. до 7 пособие, которое от отпускал Коммуне, чтобы хлеб продавался по 3 су за фунт; а прокурор Коммуны Шометт явился в Конвент развивать мысль, которая впоследствии была введена в закон о максимуме; а именно, что не на один только хлеб надо было установить разумные цены. Нужно было, говорил он, «чтобы припасы второй необходимости» были также доступны народу. «Справедливое отношение между поденной заработной платой и ценами на предметы второй необходимости нарушено». «Бедные столько же делали для революции, сколько и богатые, даже больше. Но тогда как все изменилось вокруг богатых, бедные остались в том же положении; они ничего не выиграли от революции, кроме права жаловаться на свою нищету»¹.

Движение, происшедшее в Париже в конце февраля, сильно способствовало падению Жиронды. Тогда как Робеспьер все еще надеялся законным путем парализовать жирондистов в Конвенте, «бешеные» поняли, что, пока Жиронда будет властвовать в Собрании, никакой экономический прогресс для народа невозможен. Они имели смелость громко заявить, что аристократия богатства, крупных торговцев и финансовых тузов воздвигается уже на развалинах дворянской аристократии и что она настолько сильна в Конвенте, что коалиция королей никогда не решилась бы напасть на Францию, если бы не рассчитывала на ее поддержку. Весьма вероятно, даже, что якобинцы и Робеспьер сказали себе тогда, что надо воспользоваться «бешеными», чтобы раздавить Жиронду; а потом видно будет, смотря по ходу дел, последовать ли за ними дальше или же бороться против них.

Нет никакого сомнения, что мысли, сродные тем, которые высказывал Шометт, сильно бродили тогда в умах народа во всех больших городах. Действительно, всю тяжесть революции выносили бедные на своих плечах; но в то время, как богатые еще больше богатели, бедным ничего не доставалось, кроме безработицы и дороговизны жизни. Даже там, где не было народных движений, подобных совершавшимся в Париже и Лионе, бедные должны были приходить к тому же заключению. И везде они видели, что жирондисты становятся центром для объединения тех, кто противится их намерению использовать революцию для улучшения судьбы народных масс.

¹ Шометт, любимец народа, оказался здесь более дальновидным экономистом, чем многие экономисты по профессии: он указал на суть дела, когда говорил, как спекуляторы-скупщики увеличивают зло, причиняемое войной и чрезмерным выпуском ассигнаций. «Война с морской державой, — говорил он, — ужасные события в наших колониях, потери на вексельном курсе и в особенности выпуск ассигнаций в гораздо большем количестве, чем нужно было для экономических сделок, — вот некоторые из причин сильного подъема цен, от которого мы страдаем; но насколько ужаснее их действие и насколько разорительные их результаты, когда рядом с этим существуют злонамеренные люди — скупщики и когда общественное горе становится предметом жадных спекуляций множества капиталистов, не знающих, куда девать громадные суммы денег, полученные ими из ликвидации».